

№

АНТРАКТЪ.

16.

Антрактъ выходитъ еженедѣльно, по воскресеньямъ. Цѣна годовому изданію (50 №№), съ доставкою на домъ, въ Москвѣ — 2 руб. сер.; полу-годовому — 1 руб. 34 коп. сер.; на три мѣсяца — 1 руб. сер. Для подписчиковъ же на театральныя афиши цѣна годовому изданію — 1 руб. сер. Подписка отъ иногородныхъ принимается только годова и за пересылку въ другіе города прилагивается 1 руб. 50 коп. сер. въ годъ (всего 3 руб. 36 коп. сер.). Сроку подписки считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Подписка принимается ежедневно отъ 9 часовъ утра до 5 часовъ вечера въ конторѣ типографіи ИМПЕРАТОРСКИХЪ Московскихъ театровъ (Им. П. Смирнова), на Виколюской улицѣ, въ домъ графа Орлова-Давыдова, а во время спектаклей и въ нижней лавкѣ, въ Большомъ театрѣ.

Содержаніе: Бенефисъ г. Эрлангера. — Дебютъ г. Дурново. — По поводу дебюта г. Погожева. — Новости прошлой пятницы. — Смѣсь (Піза Мольера въ русскомъ переводѣ. Новый помощникъ капельмейстера. Новый пѣвецъ. Спектакль въ 1-й С.-Петербургской гимназіи. Исчезновеніе труппы актеровъ. Сочиненіи Бортияскаго въ Германіи).

БЕНЕФИСЪ Г. ЭРЛАНГЕРА.

Въ прошлый вторникъ на Маломъ театрѣ былъ бенефисъ г. Эрлангера, дирижера оркестра этого театра, который въ бенефисной афишѣ назвавъ *драматическимъ театромъ* («въ пользу дирижера оркестра драматическаго театра» — сказано на афишѣ). Въ нашемъ *драматическомъ* театрѣ музыка, говори вообще, играетъ въ настоящее время роль болѣе, чѣмъ второстепенную, и стоитъ рѣшительно на заднемъ планѣ. Едва-ли когда нибудь публика обращаетъ вниманіе на то, что и какъ играется въ началѣ спектаклей и въ антрактахъ; къ самымъ же піесамъ, разыгрываемымъ на сценѣ нашего *драматическаго* (намъ ужасно повравился этотъ зпитетъ) театра, музыка оркестра относится совершенно безучастно. Прежде, бывало, ее вышивали хотя къ некоторому участию мелодрамы и водевилы; теперь мелодрамъ вѣтъ вовсе, а водевилы, не отрекаясь отъ этого названія своего, даются большею частію или съ однимъ казеннымъ послѣднимъ куплетомъ, или даже и вовсе безъ куплетовъ; въ антрактахъ же играютъ все однѣ и тѣже престарѣлые вальсы да польки, которыхъ, по ихъ ветхости, никто и не слушаетъ. Стало быть, дѣло оркестра упростилося до послѣдней крайности. Между тѣмъ музыка не безъ права и не по ошибкѣ входитъ въ составъ театральныя представленія; она призвана усиловать общее впечатлѣніе отъ спектакля и должна играть далеко не такую жалкую роль, которой довольствуется теперь. Еще Лессингъ говорилъ объ этомъ значеніи музыки и, ссылаясь на авторитетъ спеціалиста музыкальнаго дѣла Шейбе, въ двухъ листкахъ своей *Драматургіи* распространялся о томъ, какъ и чѣмъ должна и можетъ музыка содѣйствовать успѣху драматическихъ представленій (Gamb. Dram. XXVI и XXVII). Онъ довольно обстоятельно говорилъ, какъ должны писаться увертюры и антракты къ представляемымъ на сценѣ піесамъ. Не знаемъ, извѣстно-ли мнѣніе Лессинга г. Эрлангеру; только онъ въ послѣднее время сталъ, кажется, серьезно подумывать о томъ, чтобы музыка служила на пользу драматическимъ произведеніямъ. Не къ одной уже, сколько нибудь выдающейся изъ ряда обыкновенныхъ піесъ написалъ онъ

увертюры; къ новымъ піесамъ, какъ мы замѣчаемъ въ послѣднее время, прибавляются увертюры и антракты, соответствующіе общему тону и характеру піесъ. Къ сожалѣнію, все это остается пока еще почти незамѣченнымъ, потому что публика не ждетъ ничего отъ сидѣщаго въ театрѣ оркестра и, по прежнему, безъ вниманія относится ко всемъ піесамъ, которыя исполняетъ онъ. Такъ, между прочимъ, осталась совершенно незамѣченной большая увертюра г. Эрлангера къ *Вовводу*, которой нельзя отказать въ вѣкоторыхъ, очень почтенныхъ достоинствахъ, говорящихъ въ пользу вкуса и основательнаго знанія музыки автора. Если начало не останется безъ продолженія и если то, что теперь ложно называться явленіемъ очень рѣдкимъ, войдетъ въ обычай, то равнодушіе публики къ дѣятельности оркестра, мы не сомнѣваемся въ этомъ, замѣнится скоро полнымъ вниманіемъ и сочувствіемъ; остается только пожелать, чтобы г. Эрлангеръ съ своей стороны употребилъ всѣ усилія, чтобы разшатать застоявшееся дѣло и извлечь изъ него возможную пользу. Хорошо было бы позвратить къ обыкновению выставлять на афишѣ музыкальныя піесы, которыя предназначаются для исполненія въ началѣ и антрактахъ спектакля. Этотъ обычай года три тому назадъ введенъ былъ Л. Ф. Львовымъ, который не мало заботился и объ улучшеніи оркестра нашего Малаго театра. Во вниманіе къ дѣятельности г. Эрлангера, дирекція вотъ уже два года сряду награждаетъ его бенефисными спектаклями. Къ чести бенефицианта, надобно сказать, что онъ не злоупотребляетъ предоставленнымъ ему правомъ составлять по спектаклю въ годъ и больше, чѣмъ иные многіе артисты-бенефицианты нашей драматической труппы, заботится о составѣ своего бенефиса и строже относится къ выбору піесъ для него. Для прошлагодняго своего бенефиса онъ, какъ извѣстно, готовилъ *Виндзорскихъ проказницъ*; а когда къ постановкѣ ихъ встрѣтился въ то время препятствіе, то онъ замѣнилъ комедію Шекспира комедіею Грнбофдова, предпочтя несомнѣнно хорошее и прочное старое всѣмъ рода пошлому новизнѣ. Въ пылѣшій бенефисъ свой онъ также не рѣшился подарить намъ ни одною изъ тѣхъ большихъ и малыхъ, переводныхъ и оригинальныхъ современныхъ новостей

которых многое множество заготовлено воздѣлывателями русской драматической литературы. Г. Эрлангеръ рѣшилъ лучше составить такъ называемый *сборный спектакль*, т. е. дать вѣскольکو небольшихъ пьесъ и отрывковъ.

Желая отозваться на патріотическое чувство, которое съ презаблю силою одушевляетъ русскую публику, онъ началъ свой спектакль сочиненнымъ имъ маршемъ съ гимномъ, который, по требованію публики, былъ повторенъ два раза и который какъ бы служилъ увертюрой для сыграннаго затѣмъ пятого дѣйствія изъ трагедіи Кукольника *Рука Всевышняго отечество спасла*. Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ, опять таки во вниманіе къ тому соотношенію, которое имѣетъ онъ къ патріотическому настроенію нашего общества, принялъ участіе между другими гг. Самаринъ, Степановъ, Садовскій, Шумскій, Дмитревскій, Петровъ, Вплде. Громкое ура, раздавшееся, по ходу пьесы, на сценѣ, было встрѣчено еще болѣе громкимъ ура въ зрительной залѣ, а по окончаніи пьесы, оркестръ, по требованію публики, два раза сыгралъ народный гимнъ, покрываемый оба раза громкими криками и аплодисментами. Затѣмъ шла одноактная комедія Мольера *«Le mariage forcé»*, называвшая въ переводѣ покойнаго Левскаго: *Хоть тресни, а женись*. Переименованное и обращенное въ поговорку названіе пьесы и вольные стихи перевода, вмѣсто прозы оригинала, легко могутъ ввести въ мысль, что этотъ переводъ скорѣе передѣлка мольеровской комедіи; но читавшему эту комедію въ подлинникѣ стоитъ только прослушать одну первую сцену, чтобы вполне убѣдиться, что переводъ Левскаго есть необыкновенно точный, вѣрный и прекрасный переводъ; переводчикъ не позволилъ себѣ отступленій отъ оригинала даже въ мелочахъ, даже при счетѣ лѣтъ Сганареля. Единственное измѣненіе, которое позволилъ себѣ онъ, заключается въ томъ, что онъ опустилъ послѣднюю заключительную сцену комедіи, состоящую изъ двухъ маленькихъ и совершенно незначительныхъ репликъ Алькантара и Алкиды и заставляющую безъ нужды выйти на сцену Доримену; вмѣсто этого онъ оставилъ въ концѣ слова Сганареля, въ которыхъ онъ выражаетъ вынужденное у него насильно рѣшеніе жениться на Дорименѣ и которыя гораздо болѣе приличны и эффектны въ концѣ комедіи; эти-то слова Левскій и перевелъ по слову, поставленную въ заголовкѣ комедіи. Стихи же Левскаго такъ хороши и сильны, что никто, конечно, не удивится желанію переводчика отступить отъ формы оригинала и не пожалѣетъ объ этомъ отступленіи, а еще меньше поставитъ его въ вину переводчику. Ему можно сдѣлать разве только одинъ упрекъ за то, что онъ заставилъ въ переводной французской пьесѣ пѣть цыгачку не какуюнибудь національную цыганскую пѣсню, а простой романсъ русскаго пѣлца, сильно забытый в современнѣйшей (*Я цыганка молодая*). — Одноактная мольеровская комедіица, шедшая въ бенефисъ г. Эрлангера, есть скорѣе мпала; забавная шалость. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ ея является герой столькихъ другихъ мольеровскихъ комедій, Сганарель, на котораго такъ неистощимъ его авторъ и который такъ залюбленъ имъ. Въ этой комедіи

престарѣлый Сганарель является искателемъ руки молодой женщины и отъ него можетъ только отбѣивать мнѣнія и совѣты на счетъ этого искательства своего. Незатѣливая и малышка пятрица комедіи скромно помѣщается только на самомъ концѣ пьесы, весь интересъ которой заключается въ немнѣгихъ, но сильныхъ комическихъ положеніяхъ и смѣшныхъ переговорахъ и рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ. Многие, просмѣлившись почти во все время представленія комедіи, по окончаніи ея, какъ и слѣдовало ожидать, стали говорить, что имъ показывають ужасныя несодѣянности, что полумные философы могутъ кричать, метаться и неистовствовать въ домѣ у малыхъ, а не на городскихъ площадяхъ, что во всякомъ городѣ должна же найдтись облеченная властью рука, которая могла бы унять уличные драки и пр. въ томъ же родѣ. Суровые знатоки и судьи эти, такъ усердствующіе о правдѣ дѣйствительности, не подумываютъ существованію другой правды: правды художественной, нѣ удовлетвореніи которой не можетъ быть художественнаго произведенія. Правду пераго рода со всѣмъ, что *бываетъ* и *можетъ быть* въ ней, преслѣдуетъ сама жизнь; правду втораго рода со всѣмъ, что *должно быть* въ ней, н. ея предѣлахъ, преслѣдуетъ искусство. Дѣйствіе одной аркстофановской комедіи не только совершается въ городѣ, неправдоподобномъ для иныхъ только потому, что въ немъ не замѣчается признака полицейской власти, но въ городѣ, выстроенномъ на воздухѣ, и это обстоятельство не мѣшаетъ же однако этой аркстофановской комедіи (*Птицы*) быть истинно художественнымъ произведеніемъ и доставлять истинное наслажденіе тѣмъ, которые хотятъ и могутъ получить его. Не одной только житейской правдой бываетъ жизнь человѣкъ. Если крошечная песчинка, имѣющая для простаго человѣческаго глаза ноль точекъ, подъ луною микроскопа обрабаается въ камень, то не въ правѣ ли мы сказать, что форма точки есть только *кажущаяся* нашему несовершенному глазу форма песчинки, а что *настоящая* форма ея есть форма обыкновеннаго камня? Точно также, если Сганарель, Панкрасъ, Марфуріусъ и кажутся намъ людьми не совсемъ обыкновенныхъ размѣровъ и пошиба, то это только потому, что мы и на нихъ смотримъ сквозь своего рода микроскопическую лулу; но при этомъ намъ такъ и кажется, что любой дурачествующій старикъ, возведенный до типа, дастъ въ результатѣ цѣлѣмъ Сганареля; а возведенный до типа же любой педагогъ учепый окажется Панкрасомъ или Марфуріусомъ. — Разыгранная комедія была довольно удачно. Г. Садовскій былъ очень комиченъ, особенно въ сценахъ съ философами, когда онъ, не измѣняя своей серьезности, предавался то отчаянію и досадѣ, въ сценѣ съ Панкрасомъ, то забавному недоумѣнію и даже досадѣ, въ сценѣ съ Марфуріусомъ; вѣскольکو болѣе горячей можно было бы пожелать ему для сцены съ Алкидой, тѣмъ болѣе, что эта сцена такъ сильно дѣйствуетъ на рѣшимость Сганареля. Г. Ермоловъ былъ очень забавенъ въ роли неистовствующаго и драго философа, а г. Степановъ — въ роли нестерпимо разсудительнаго философа. Г. Колосовъ сумѣлъ передать то забавное хладнокровіе и спокойствіе, съ

которым у Мольера Алкид дѣлаетъ Станарелю визитъ и убѣдительно колотитъ его палкой, не измѣняя во всемъ этомъ тону въѣзанности дружеской шутки. Изъ остальныхъ исполнителей мѣсто другихъ было удовлетворительно г. Владыкину, который только-только читалъ роль Алькаидора и потомъ по лицу былъ ровесникъ, если не младшій братъ своего сына. Въ теченіе всей почти пьесы въ театрѣ была такая хохотъ, какого не запомнимъ мы съ представленія въ третьемъ году другой молеровской комедіи *Миллионъ дворянъ*. Въ серединѣ пьесы былъ вызванъ г. Ермоловъ, а по окончаніи Гр. Садовскій и Ермоловъ. Комедія, какъ видно, съ удовольствіемъ просматривалась публикой и имѣла успѣхъ. Еще вкладъ.

Въ концѣ спектакля, послѣ *Колыханки* шла новая комическая оперетка Зуппе *Шалунъ*. По содержанию, это такой пошлый фарсъ, така жалкая шутка, что о ней не стоитъ и говорить. Студенты, благодаря череряжаванью, падуновъ стараго скрягу, выдаютъ ему дрянное мазанье за драгоценную и рѣдкую картину, а на добытыя деньги устраиваютъ свадьбу молодой бѣдой четы. Все это безцвѣтно, несколько не забавно, мѣстами даже просто глупо; а главное—безконечно длинно и потому утомительно. И на все это потрачена очень хорошенка и характерная музыка Зуппе, которая, уступая музыкѣ *Десяти невестъ*, все-таки очень весела. Подобныя пьесы еще могутъ пользоваться нѣкоторымъ успѣхомъ на тѣхъ сценахъ, которыми могутъ выставить цѣлую фалангу молоденькихъ, недурныхъ собою актрисъ для главныхъ ролей пьесы; наша же сцена этого сдѣлать не могла и пьеса успѣха никакого не имѣла, не смотря на то, что г-жи Жиповики, Карска, гг. Владиславлевъ и Иппифоровъ сдѣлали все, зависѣвшее отъ нихъ.

ДЕБЮТЪ Г. ДУРНОВО.

Прошлая недѣля дала намъ цѣлый рядъ дебютовъ; рядъ, этотъ начался дебютомъ г. Дурново. Начало было хорошее. Г. Дурново—артистъ со средствами, съ опытностью и, главное, съ умѣньемъ только и серьезно взяться за дѣло. Роль Краснова (*Григъ да бѣда на кого не живетъ*), въ которой дебютировалъ онъ, одна изъ самыхъ неблагоприятныхъ для дебюта, во-первыхъ, потому, что въ этой роли московская публика привыкла къ ягрѣ г. Садовскаго и, кромѣ того, видѣла въ ней двухъ другихъ исполнителей, гг. Полтавцева и П. Васильева, которые исполняли эту роль съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ; во-вторыхъ, изъ семи картинъ пьесы только въ трехъ участвуетъ Красновъ, главное лицо пьесы, о которомъ, такимъ образомъ, зритель больше слышитъ отъ другихъ, чѣмъ знаетъ самъ изъ непосредственнаго наблюденія надъ Красновымъ, т. е. стало быть, ждать отъ Краснова гораздо большаго, нежели сколько даетъ и можетъ самъ по себѣ дать Красновъ. Вся роль скомкана, такъ сказать, въ три момента. Въ первый изъ этихъ трехъ моментовъ Красновъ является человекомъ будничнымъ, не вы-

ходящимъ изъ пормы; во второй моментъ это человекъ нѣсколько оригинальный, развѣтливый, раз-мѣченный подъ влияніемъ не совсемъ обычной для него ласки; наконецъ въ третій моментъ Красновъ всецѣло отдается впервые овладѣвшей имъ сильной страсти, не сдерживается и дѣлается злодѣемъ. Первые два момента переданы были г. Дурново довольно удачно. Безхитростная, правдивая, честная натура лавочника сказала совершенно вѣстиво и въ сценахъ съ родней и въ сценѣ съ Бабаевымъ (3-я картина), хотя намъ казалось бы, что слова, которыми Красновъ прощается испрошеннаго гостя, будучи уже слишкомъ непривѣтливо по самому смыслу ихъ, не должны однако же выходить изъ тона сдержаннаго разговора и отзываться лживою вѣселою и памфлетнымъ оскорбленіемъ, какъ отзывались они всѣмъ этимъ у г. Дурново. Вопросъ Краснова Бабаеву: *скоро ли вы отсюда уйдете?* дается, правда, выраженіемъ внутренняго настроенія Краснова и слышится у него, такъ сказать, съ улыбкой, но все-таки онъ предлагается имъ Бабаеву въ такой формѣ, которая не только не задоритъ Бабаева, но даже и не оставляетъ въ этомъ вопросѣ его вниманія, какъ будто бы это было простое недоумѣніе очень обыкновеннаго въ случаѣ прощанья вопроса: *долго ли вы здѣсь пробудете?* Еще удачнѣе передать г. Дурново актъ раскрытія всей любящей души лавочника; многолюбезнаго и спмнатливаго было въ этой простосердечной откровенности, съ которою провелъ онъ всю сцену съ женой (5-я картина). За то третій моментъ положительно не удался г. Дурново, и Краснова-убійцы, Краснова-преступника въ немъ не было; въ то, что Красновъ-Дурново на самомъ дѣлѣ до-напалъ жену свою,—плохо вѣрлось. Правда, что тутъ авторъ, не сладивъ самъ съ тѣмъ, чтобы подготовить въ Красновѣ будущаго убійцу, и въ послѣдней картинѣ поставивъ этого лавочника просто на дыбы, слишкомъ много возложилъ на актера—исполнителя этой роли; но все-таки подобная подготовка не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго. Говоря вообще, мы должны сказать, что отношеніе г. Дурново къ роли Краснова было очень серьезное и обдуманное; если мѣстами въ его исполненіи чтеніе и брадо нѣкоторый перевѣсъ надъ игрою, то это было только въ мѣстахъ болѣе спокойныхъ и должно быть объяснено понятною робостью дебютанта быть на глазахъ у незнакомой публики, чувствомъ, способнымъ самаго безстрашнаго актера выводить по временамъ изъ положенія роли и обращать къ простому чтенію ел. За то все исполненіе было чуждо всякаго разчета на эффектъ и имѣло характеръ строгой простоты, стремленіе къ которой очень и очень не часто приходится замѣчать не только въ дебютахъ, но и въ актерахъ опытныхъ и талантливыхъ. Мы, напр., не слышали у него слова: *предупредитъ* (5-я картина, сцена съ женой), которое произносилось съ особенною силою и Богъ знаетъ для чего вытаскивалось изъ тона остальной рѣчи всѣми тремя другими исполнителями, которыхъ видѣли мы въ роли Краснова; у г. Дурново это слово явилось вострымъ присловьемъ и не подчеркнутое, не оснащенное восклицательнымъ знакомъ за-

мало подобающее ему мѣсто. Умно, хотя и по своему, провелъ г. Дурново ту сцену послѣдней картины, когда Красновъ обращается къ возвратившейся женѣ съ вопросами, что она, по полѣ ли пошла, по нуждѣ ли, или лукавый ее подтолкнулъ (мы не помнимъ хорошенько подлинныхъ словъ). Другіе исполнители всѣми этими вопросами занимало уже надѣ Татьяной нравственное истязаніе; этими вопросами они злорадствовалъ уже, ругались надъ нею и предлагали ихъ ей воссене для того, чтобы добиться на нихъ отвѣта. Г. Дурново предлагалъ эти вопросы такимъ тономъ, въ которомъ слышалась надежда, что можетъ быть еще найдется какое нибудь обстоятельство, оправдывающее поступокъ любимой имъ женщины; предлагая эти вопросы, онъ какъ бы умолялъ жену тономъ голоса дать хотя сколько нибудь успокоительный отвѣтъ. — Нѣкоторая хрипота голоса (объясняющаяся, быть можетъ, премеинымъ, не совсемъ нормальнымъ состояніемъ голосоваго органа) и скороговорка выкувались громкимъ и необыкновенно отчетливымъ произношеніемъ каждаго слова. Толковому и всегда осмысленному чтенію г. Дурново можно пожелать развѣ только большаго разнообразія и меньшей сухости. Вообще дебютъ г. Дурново — явленіе очень почетное и заслуживающее полнаго вниманія. Публика принимала дебютанта очень хорошо и единодушно вызвала его послѣ каждой картины, въ которой онъ участвовалъ. Съ большимъ интересомъ ждемъ дальнѣйшихъ дебютовъ г. Дурново на нашей сценѣ.

Въ этотъ же спектакль въ роли Емели, въ водевиль *Простушка и воспитанная*, явился другой дебютантъ, г. Погожевъ, но мы не видали его по мыѣщаемъ написанную по поводу его дебюта статью нашего сотрудника.

ПО ПОВОДУ ДЕБЮТА Г. ПОГОЖЕВА.

Собственно о дебютѣ г. Погожева въ роли Емели, въ вод. *Простушка и воспитанная*, говорить не стоитъ. Роль эта не представляетъ особенныхъ трудностей, а между тѣмъ г. Погожевъ эту роль исполнилъ очень плохо и исполнилъ ее такъ не столько потому, что у него не доставало бы средствъ для этой роли, а потому, что онъ, просто, вовсе не *умѣетъ* играть на сценѣ. Искусство драматическое, какъ и всякое искусство, кромѣ таланта, требуетъ еще навыка, умѣнья, обученія этому искусству. Вѣдь всѣ художники: живописцы, скульпторы, музыканты учатся же технику своего искусства, а развѣ не слѣдуетъ учиться этому и въ драматическомъ искусствѣ? Не даромъ дирекцію упрекали за то, что она допустила на сцену дебютанта вовсе неумѣлаго. Этотъ упрекъ и справедливъ и несправедливъ. Сцепя столичныхъ императорскихъ театровъ не мѣсто ученія для неумѣлыхъ актеровъ — это правда; но вмѣстѣ съ тѣмъ правда и то, что наша сцена требуетъ подновленія новыми персонажами, что прежде эти персонажи достаточно уже устарѣли и притомъ, многие изъ нихъ уже выбыли. По-

этому дирекція наша неминуемо должна рѣшительно давать дебюты новымъ актерамъ, въ надеждѣ найти между ними замѣну, хоть въ будущемъ, выбывшимъ или выбывающимъ. Но, разумѣется, она должна это дѣлать съ разборомъ и допускать къ дебюту артистовъ, все-таки болѣе или менѣе умѣлыхъ и не безъ способностей. Но на словѣ *умѣлый* мы и хотимъ остановиться. Умѣнье пріобрѣтается ученіемъ или напыкомъ; поэтому желающимъ поступить на сцену надо учиться и напыкать. Но гдѣ же они могутъ это дѣлать? Обыкновенно начинающимъ артистамъ совѣтуютъ отправляться играть на провинціальныхъ сценахъ. Но эти совѣты едва-ли не ошибочны. Въ изученіи искусствъ вообще большую роль играетъ изученіе образцовъ. Для этой цѣли, а также и для руководства хорошимъ преподавателями, наша академія художествъ отправляетъ лучшихъ своихъ учениковъ въ Италію, гдѣ они могутъ созерцать прекрасные образцы искусствъ, могутъ имѣть хорошихъ руководителей, а что же найдутъ начинающіе актеры на провинціальныхъ сценахъ? Гдѣ хорошіе образцы? Провинціалы или знаменитости? Но московичи видали многихъ изъ этихъ знаменитостей и въ томъ числѣ дѣйствительнаго актера съ большимъ талантомъ, г. Рыбакова. Но развѣ всѣ эти знаменитости, появившіяся по временамъ на московской сценѣ, не были страшно заражены дурными провинціальными привычками, такъ что даже г. Рыбаковъ, не смотря на свой большой талантъ, возбуждалъ своею игрою въ *Гамлетѣ* не разъ хохотъ московской публики. И вотъ какіе, и это еще *лучше* образцы можетъ подѣть на провинціальныхъ сценахъ начинающій актеръ. Не собьютъ ли такіе образцы скорѣе его съ толку, чѣмъ наставятъ на путь истинный, и для того, чтобы видѣть на сценѣ хорошіе образцы, не лучше ли желающимъ научиться не имѣть драматическому искусству оставаться въ столицахъ, куда обеспеченные оклады, перспективная плата, пенсіи, бепписы, столичная извѣстность, столичная публика и другіе удовольствія должны привлекать самыхъ лучшихъ артистовъ? — Но, говорятъ отправляющіе дебютантовъ въ провинцію, они найдутъ тамъ большую сценическую практику. — Дѣйствительно. При небольшомъ составѣ провинціальныхъ труппъ, каждому персонажу приходится играть много и часто. Но вѣдь въ провинціяхъ не всякая нѣза дается даже два раза; тамъ публика наиболѣею частію одна и та же и потому приходится постоянно ставить все новыя и новыя нѣзсы.

Черезъ это постановка ихъ дѣлается наскоро, они дурно ренетируются, актеры являются предъ публику даже съ петвердо выученными ролями и играютъ по суфлеру. И начинающій актеръ принужденъ дѣлать тоже самое, привыкаетъ не учить ролей, надѣяться на суфлера и играть на скоро. Не види истинно хорошихъ образцовъ, предоставленный самому себѣ, онъ пріобрѣтаетъ дурныя привычки, плетъ по ложному пути и наконецъ губитъ свое дарованіе, если даже таковое въ немъ и обрѣтается. Поэтому такого рода практика хуже непрактики. Мы видѣли, какими густыми, неотскобленными слоями налегала эта провинціальная практика даже на такихъ актеровъ, какъ Разсказовъ, Полтавцевъ и др. Но намъ.

пожалуй, возразить примѣрами знаменитыхъ Щепкина и Садовскаго, начавшихъ свое сценическое поприще на провинціальныхъ сценахъ. Но вспомните, что говоритъ Щепкинъ въ своихъ запискахъ. Кому онъ обязанъ тайною истинно хорошей игры? Не провинціальнымъ образцамъ, не тѣмъ знаменитостямъ, которыхъ онъ видалъ на сценахъ Харькова и Курска, а образованному артисту-любителю, килзю Мещерскому, видѣвшему лучшія заграничныя сцены, лучшихъ европейскихъ актеровъ. Галавъ Садовскаго развился не въ провинціяхъ, а вопль разцвѣлъ на московской сценѣ. Вспомните отзывы репертуара 1839 г. о дебютахъ провинціального актера Садовскаго на московской сценѣ!

Итакъ школа провинціальныхъ сценъ слишкомъ ненадежна, слишкомъ опасна, слишкомъ неудовлетворительна и слишкомъ сбивчива для начинающаго актера.

Но есть любительскіе спектакли; на нихъ можетъ учиться начинающій актеръ.

Любительскіе спектакли! Любительскіе спектакли! Охъ, не мало мы порежемогъ ихъ на своемъ вѣку. Наибольшую частію составляемые изъ пѣснь играющихъ и переигранныхъ на публичныхъ сценахъ, они не оставляютъ почти ничего для самостоятельности актера; къ тому же они бывають не рѣдко очень плохо слажены. А съ этими напыщенными, незабывчивыми в пезаслуженными похвалами въ глаза и пашмками за глаза, съ предоставленіемъ каждому на его собственный произволъ, съ этимъ огромнымъ запасомъ самолюбія любительскіе спектакли не могутъ быть хорошею школою для начинающихъ актеровъ (*). Минъ, пожалуй, скажутъ: зачѣмъ вы говорите о провинціальныхъ и любительскихъ спектакляхъ? Вѣдь въ Москвѣ и Петербургѣ есть театральныя школы. Вотъ гдѣ должны учиться начинающіе актеры.

Но вѣдь всѣмъ извѣстно, что въ московское театральное училище принимаются только дѣвочки, а мальчики могутъ быть приходскими воспитанниками (экстернами), а экстерновъ учатъ однимъ только танцамъ. Гдѣ же имъ обучаться драматическому искусству? А воспитанницъ московскаго театральнаго училища, какъ извѣстно, принимаютъ въ училище 10, 12 лѣтъ, т. е. когда не обозначилось еще, имѣють ли онѣ способности къ театальному искусству, или нѣтъ. Принимая ихъ въ училище, имъ этимъ самымъ говорятъ: «Будь сценическимъ дѣтелемъ» и эти слова, какъ надпись на дверяхъ ада, не смываемы: есть-ли въ воспитанницѣ сценическія способности, или нѣтъ—все равно; она обречена уже сценическому искусству, она обязана прослужить при театрѣ извѣстное число лѣтъ. И при этомъ училище открыто только для маленькихъ дѣвочекъ, а если взрослая дѣвушка, почувствовавшая въ себѣ

призваніе къ драматическому искусству, захочетъ изучать это искусство,—ее въ училище не примутъ.

Все, что было сказано о воспитанникахъ московскаго театральнаго училища, относится также къ воспитанникамъ и воспитанницамъ петербургскаго театральнаго училища.

Вотъ почему я съ большимъ удовольствіемъ прочелъ въ № 49 Аптракта за прошлый годъ извѣстіе о томъ, что есть проектъ преобразованія театральныхъ училищъ и что по этому проекту «молодые люди обоюго пола, желающіе усовершенствоваться въ драматическомъ искусствѣ или оперномъ ибѣи, съ цѣлію посвятить себя сценической дѣятельности, могутъ поступать въ спеціальныя классы этихъ искусствъ при училищѣ, но не иначе, какъ достаточно къ тому приготовленные (и не моложе 16 лѣтъ), по предварительномъ испытаніи, отъ котораго освобождаются пѣ поступавшихъ въ оперное отдѣленіе лица, окончившія курсъ въ музыкальномъ училищѣ (консерваторіи) съ удовлетворительными успѣхами аттестатами.» Съ тѣхъ поръ прошелъ уже годъ, а до сихъ поръ еще невѣдѣно, приводится ли въ исполненіе этотъ благодѣтельный проектъ. И такъ, повторимъ нашъ вопросъ: гдѣ-же учиться начинающимъ актерамъ и актрисамъ?

З.

НОВОСТИ ПРОЩОЙ ПЯТНИЦЫ.

Третьяго дня, въ пятницу, спектакли на обоихъ нашихъ театрахъ дали въ одно время такъ много новаго, что мы едва-едва успѣли услѣдить за всѣми новостями этого дня. Новости эти однако такого свойства, что много распространиться о нихъ и писать большія статьи едва-ли нужно, а потому мы и рѣшились не откладывать отзыва о нихъ до слѣдующаго №, а сказать нѣсколько словъ въ этомъ. Начало вечера провели мы въ Маломъ театрѣ, гдѣ смотрѣли двухъ дебютантовъ. Г. Каншинъ—игралъ роль ванта Роллы, въ драмѣ *День изъ жизни цѣлѣбника*. Какъ игралъ онъ ее? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы можемъ только сказать, что драматическая роль въ его исполненіи производила на зрителей *веселое* впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя было безъ невольной улыбки смотрѣть на небольшую, полную фигуру дебютанта, которая всѣми силами старалась явить въ себѣ энтузіаста-художника и выпускала пѣвучіи рѣчи, громкіе крики и историческій, раздиравшій уши хохотъ. Лежалъ и падалъ во весь ростъ г. Каншинъ очень хорошо, но говорилъ и игралъ дурно. Его чтеніе было почти невыносимо, благодаря необыкновенному обилію логическихъ ударовъ, которыми облекалъ онъ въ каждой фразѣ не одно какое-либо, болѣе важное и заключающее въ себѣ сущность мысли слово, какъ это слѣдовало бы, а рѣшительно почти всѣ слова безъ разбора. Необходимой сдержанности въ исполненіи г. Каншина не было вовсе; особенно неуравновѣженъ былъ онъ въ жестахъ; его рука ни на минуту не оставалась безъ движенія, поднималась, опускалась, разбрасывалась въ стороны, складывалась на груди и у носа; по во всемъ этомъ болѣею частію по

(*) Бывшій въ Москвѣ Кружокъ любителей драматическаго искусства былъ еще добрымъ исключеніемъ. Онъ смотрѣлъ на дѣло серьезно и дѣйствительно могъ бы быть недурною школою для начинающаго актера; но, къ сожалѣнію, онъ существовалъ такъ недолго, что не успѣлъ еозрѣть плоды, которые онъ могъ бы дать.

нуждалась роль и все это отнюдь не являлось комментарием къ словам роли, а, стало быть, уже по этому одному неприятно кололо глазъ. Истина, съ которою отнесся г. Канинъ къ своей роли, можетъ быть, и понятна въ немъ, какъ въ молодомъ человѣкѣ, но она перенесена въ актеръ на сценѣ. Мы посоветовали бы г. Каншину прежде, чѣмъ онъ рѣшится когда нибудь во второй разъ выйти на сцену, предварительно подворгнуть себѣ продолжительному и строгому искусу; иначе съ двухъ, трехъ спектаклей онъ рѣшительно надорветъ свои силы и надорветъ безо всякой нужды и пользы.

Въ той же драмѣ небольшую роль маркиза Анниани игралъ другой дебютантъ, г. Рѣпинъ, и былъ въ ней совершенно безцвѣтенъ. За то очень недурно сыгралъ онъ роль Загорскаго, въ водевилѣ *Чего на сценѣ не бываетъ*, хотя и тутъ не удалось ему передать ту паускиную, притворную печаль, которая должна слышится въ томъ голосѣ Загорскаго, когда онъ говоритъ съ вдовушкой. Г. Рѣпинъ развязенъ, прилченъ, недурно поетъ куплеты и могъ бы быть полезнымъ исполнителемъ на вторыхъ молодыхъ роли. Въ манерахъ его есть въ некоторой притворность, отъ которой молодому артисту легко избавиться. Роль Загорскаго очень мило сыграла г-жа Колосова, хотя, можетъ быть, и не была въ ней такъ эффектна, какъ г-жа Шмидгофъ, уже по одному тому, что не надглумилась надъ памятью покойнаго мужа и не показывала, какъ онъ, покойникъ, канканировалъ, что дѣлала г-жа Шмидгофъ при одобрительныхъ рукоплескахъ публики высшаго яруса.

Посмотрѣвъ дебютантовъ на Маломъ театрѣ, мы посѣдили въ Большой театрѣ, гдѣ застали два послѣднихъ дѣйствія бал. *Эсмеральда*. Появленіе г-жи Кукки на нашей сценѣ предшествовало извѣстію объ ея усилахъ въ Петербургѣ; не смотря однако на это, первое впечатлѣніе, произведенное ею на насъ, было крайне неприятное. Танцовщица г-жа Кукки опытная и искусная; у нея много гибкости, крѣпости и устойчивости въ ногахъ; но, при всемъ этомъ, ей рѣшительно недостаетъ граціи, изящества; танецъ ея твердъ, но невыразителенъ; движенія рѣзки, отмѣчены отсутствіемъ мягкости и округлости и вообще пластика у нея страдаетъ, тѣмъ болѣе, что артистка не отличается и стройностью: при довольно большомъ ростѣ, она очень худая. Актриса г-жа Кукки незавидная, хотя въ роли Эсмеральды болѣе, чѣмъ въ какой нибудь другой, можно танцовщицѣ выказать мимическое искусство. Можетъ ли назваться актрисой танцовщица, съ лица которой не сходить постоянная принужденная улыбка, ятя, ир-пѣе, ослабленіе, неадающее мѣста выраженію никакаго чувства? Можетъ ли назваться актрисой исполнительница роли Эсмеральды, которая, когда се, въ послѣдней картинѣ, выводитъ изъ тюрьмы на казнь, Богъ знаетъ для чего, въ эту роковую для Эсмеральды минуту, медленнымъ, разсчитаннымъ шагомъ дѣлаетъ кругъ по серединѣ сцены и потомъ уже становится въ позу осужденной? Можетъ ли назваться актрисой исполнительница роли Эсмеральды, которая выражаетъ сильную

страсть къ Фебу не лицомъ, а тѣмъ, что плотно, всею фигурою своею прижимается къ возлюбленному? Но во всѣхъ этихъ недостаткахъ г-жи Кукки, какъ танцовщицы и актрисы, недостаткахъ, которыхъ, сказать кстати, за нею болѣе, чѣмъ достоинствъ, не было бы еще болѣе важности и бѣды, если бы ко всему этому не присоединялось еще полное отсутствіе скромности и застѣнчивости. Нескромность и беззастѣнчивость, эти перхѣшіе враги женственной прелести, давали себѣ чувствовать болѣе всего въ костюмѣ г-жи Кукки: ноги артистки были открыты до... почти до невозможнаго. То, что, можетъ быть, очень обыкновенно въ другихъ центрахъ образованной Европы, въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, необыкновенно у насъ и неприятно шокировало нашу публику. Нѣтъ, г-жа Кукки не ко двору намъ! Говоримъ это положительно и ссылаемся на приговоръ всей публики, которая, по окончаніи спектакля, стала расходиться въ молчаніи и только очень незначительная часть ея раза два вызвала г-жу Кукки.

С М Ъ С Ъ.

—Одобрена къ представленію литературно-театральнымъ комитетомъ и театральною цензурою: *Иродотисъ Скапанъ, или служебную книгу не обманешь*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Мольера, переводъ князя Мещерскаго.

—Помощникомъ капельмейстера московской русской оперы опредѣленъ г. Мертенъ.

—Въ московскую оперную труппу выпущенъ изъ петербургскаго театральнаго училища пѣвецъ-баритонъ, г. Вивклеръ.

—Манифестаціи послѣднихъ времени выражаются спектаклями не въ однихъ только театрахъ. Военнотанники младшаго возраста 1-й с.-петербургской военной гимназій, встрѣтивъ съ собственнымъ дѣтской, чистой натурѣ горличимъ сочувствіемъ извѣстіе о злодѣйскомъ покушеніи на священную особу Государя Императора и движимые чувствомъ полнѣйшаго омерзѣнія къ гнусному злодѣю просили разрѣшенія устроить въ помѣщеніи ихъ возраста спектакль, въ честь чудеснаго избавленія Его Величества отъ руки преступника. На что и было изъвлечено имъ согласіе со стороны начальства гимназій. Означенный спектакль состоялся 10-го апрѣля и, можно сказать, не преувеличивая, вызвалъ слезы на глазахъ всѣхъ присутствовавшихъ, своимъ удачно исполненною и, какъ нельзя болѣе, подхо-дицею къ совершаемому факту программой. Спектакль начался ухертирой изъ оперы: *Слѣзны за Царя*; затѣмъ слѣдовала небольшая пѣска, написанная однимъ изъ служащихъ въ гимназій и при-

яровленная исключительно къ этому случаю. Въ ней показало много души, много искреннаго, неподдельнаго чувства. Въ исполненіи отличился въ особенности 11-ти-лѣтній воспитанникъ перваго класса — Соколовъ. Нельзя было безъ слезъ смолчать на этого ребенка, когда онъ, ставъ на колѣни и сложивъ ручки, съ особеннымъ воодушевленіемъ произнесъ слѣдующія слова: «Господи, благодарю Тебя, что Ты предотвратилъ этотъ страшный ударъ! Господи, спаси Царя и сохрани Его намъ на многія лѣта!» Гулъ рукоплесканій раздался со всѣхъ сторонъ. Воспитанники всѣхъ возрастовъ, присутствовавшіе при представленіи, грянули громкое ура; все слилось въ одну массу; все было общее, сердца всѣхъ проникнуты были однимъ чувствомъ: чувствомъ безпредѣльной любви къ своему августѣйшему Монарху! По окончаніи пьесы слѣдовало чтеніе стихотворенія, написаннаго по поводу совершившагося событія, подъ заглавіемъ: «4-е апрѣля 1866 года». Стихотвореніе это прочтено было весьма отчетливо воспитанникомъ перваго же класса Петровымъ, котораго заставили повторить чтеніе два раза. Затѣмъ, послѣ вѣсколькихъ минутъ антракта, явившійся поднялся и глазамъ зрителей представилась торжественная картина: посреди залы, на большомъ пьедесталѣ, стоялъ портретъ Государя Императора, окруженный цвѣтами; надъ нимъ горѣлъ трапециевидный вѣнзелевидный изображеніемъ имени августѣйшаго Монарха, надписью: «4-е апрѣля 1866 года» и тремя буквами: «О. И. К.» (имя виновника спасенія драгоценной для насъ всѣхъ жизни Царя-Освободителя). Всѣ воспитанники младшаго возраста окружали пьедесталъ и провѣли народный гимнъ: «Боже, Царя храни!» Крики восторга всей молодежи, будущихъ вѣрныхъ слугъ Царя, долго не смолкали; гимнъ повторенъ былъ четыре раза. Громкое «ура!» грянуло со всѣхъ сторонъ и долго раздавалось еще въ стѣнахъ залы по окончаніи спектакля. Этотъ же спектакль былъ повторенъ и 17-го апрѣля, въ день рожденія Государя Императора. На этотъ разъ въ программу спектакля вошли двѣ новыя пьесы: пзбранная сцена изъ комедіи Фонъ-Визинна: «Недоросль» и небольшой водевиль: «Осмѣянное самолю-

біе». Кромѣ того, по общему востребованію, повторена была пьеса, написанная исключительно въ случаѣ спасенія драгоценной жизни Государя Императора, подъ заглавіемъ: «Достопамятный День». Въ заключеніе спектакля воспитанниками же 1-го класса пропѣтъ былъ хоръ: «Славься, славься!» и оперы «Жизнь за Царя» в народный гимнъ: «Боже, Царя храни», который, при громкихъ крикахъ «ура!» и единодушномъ восторгѣ, повторенъ былъ три раза. Устройство сцены во время пьесъ было также чрезвычайно красиво: на двухъ пьедесталахъ поставлены были портреты Государя Императора и Государыни Императрицы, окруженные цвѣтами; посреди ихъ изъ-за зелени видѣлся трапециевидный вѣнзель: «25 лѣтъ», а надъ нимъ вѣнзелевидное изображеніе имени Августѣйшей Четы.

Изъ Шуи (Владимірской губерніи) пишутъ въ Русскія Вѣдомости: «Въ ночь на 21-е сего апрѣля наша театральная труппа скрылась изъ Шуи, чего жители не ожидали и что было для нихъ сюрпризомъ, особенно для тѣхъ, которымъ артисты оставались должны. Отъ этого-то долга, который доходить, какъ говорятъ, до значительной цифры, труппа и улетучилась. Вирочемъ намъ къ подобнымъ явленіямъ не привыкать; недавно магикъ и полкъ г. Щерье исчезъ изъ Шуи, а теперь г. Чернышевъ (содержатель театральной труппы) съ своимъ семействомъ. И такъ театръ — въ лицѣ артистовъ — у насъ болѣе не существуетъ. Будемъ ждать и надеяться, что лягутъ еще кто нибудь повеселить и поулыть осторожности доверчивыхъ шуйскихъ гражданъ.»

Съ особеннымъ удовольствіемъ прочли мы въ описаніи пѣтстваго приюта близъ Гамбурга «Rheinische Haus» въ № 26 нѣмецкой газеты «Der Rhein», что воспитанники этого благотворительнаго заведенія, между многими квартетными нѣмецкими музыкальными ансамблями, исполняютъ и сочиненія нашего Бортнянскаго, именно «die herrliche Bortnianskische Dohxologie», какъ сказано въ газетѣ.

Ред. А. Баженковъ. За изд. Н. Смирновъ. (Ред. на Мочановъ, въ Годовскомъ пер., въ д. Дуринской).

ЧАСТНЫЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ МАГАЗИНѢ ДАБО,

на Кузнецкомъ мосту, въ д. Дабо,

ОБОИ

разныхъ сортовъ — самыхъ новыхъ отъ 20 к. за кусокъ и выше.

ВЪ ГОСТИНИЦѢ МИЛАНЪ,

что на Смоленскомъ рынкѣ,

со 2-го Мая съ 3-хъ часовъ въ купеческой половинѣ будетъ пѣть хоръ русскихъ пѣвцовъ Ивана Молчанова; въ оной же гостинницѣ, въ дворянской половинѣ поетъ хоръ арфистовъ, подъ управленіемъ извѣстной пѣвицы М-ме Зои Любно, и играетъ оркестръ бальной музыки.

0—191

Содержатель купецъ Волковъ.

ВЪ ВОСКРЕСЕНІЕ, 1 МАЯ,

ИМѢЕТЪ БЫТЬ ОТКРЫТІЕ РЕСТОРАНА „СОКОЛЬНИЧІЙ УГОЛОКЪ“

(на Старомъ гуляньѣ, на дачѣ Протопопова), въ которомъ будетъ играть хоръ духовой музыки, подъ управленіемъ г. Маера, и пѣть хоръ русскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ, подъ управленіемъ Амаліи. Гг. посѣтителѣ найдутъ хорошее купанье, вина изъ погреба Дебре и другихъ виноторговцевъ, а также чай, кофе, шоколадъ по умѣренной цѣнѣ. При ресторанѣ находится бильярдъ.

0—187.

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МУЖСКАГО И ДАМСКАГО ГОТОВАГО БѢЛЫЯ.

Голландское полотно въ кускахъ и остатки столоваго бѣлья разной величины. Полот., батист. и фуляр. платки, Чулки, носки, галстуки, шарфы и прочіе товары.

На Никольской ул., въ домѣ графа Шереметева.

РИЖСКІЙ МАГАЗИНЪ ГИРШВАЛЬДЪ.

0—142.

НОВѢЙШАЯ ВЕСЕЛНЯЯ МАТЕРІЯ

ВЪ БОЛЬШОМЪ И РАЗНООБРАЗН. ВЫБОРѢ
ПОЛУЧЕНЫ ВЪ МАГАЗИНѢ

А. П. ИПАТОВА,

на Ильинкѣ, въ д. Оболенск., рядъ съ Пособольскимъ подворьемъ.

1—189.